

КЭТРИН КИНГСЛИ

Ярчайшая
мечта



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К41

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Katherine Kingsley
NO BRIGHTER DREAM

Перевод с английского *И.П. Родина*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства Diversion Books
и литературных агентств Baro International, Inc.
и Nova Littera SIA.

Кингсли, Кэтрин.
К41 Ярчайшая мечта : [роман] / Кэтрин Кингсли ; [пер.
с англ. И. П. Родина]. — Москва : Издательство АСТ,
2017. — 352 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-094823-9

Когда обожаемая невеста Андре де Сен-Симона трагически погибла, молодой археолог решил навсегда забыть о любви и семье, полностью посвятив себя науке.

Однако юная Али — дочь погибшего в Турции английского ученого, спасенная Андре от голодной смерти, — придерживается совсем иного мнения. Она с первого взгляда страстно полюбила своего мужественного спасителя и намерена сделать все возможное и невозможное, чтобы добиться от него взаимности и доказать ему, что пришла пора быть счастливым вновь...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Julia Jay Kendall, 1994
© Перевод. И.П. Родин, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017
ISBN 978-5-17-094823-9

Но Руфь сказала:

Не принуждай меня оставить тебя и возвратиться от тебя; но куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог моим Богом.

Ветхий Завет, Книга Руфь, 1:16

Пролог

*Сентябрь 1854 года
Сен-Симон, Франция*

— Андре! Андре, Жо-Жан, подождите меня! — Голос Женевьевы взлетел над лугом, и Андре, резко остановившись, обернулся.

— Женевьева! — замахал он рукой. — Догоняй! Мы с Жо-Жаном идем к Алену Ласкарду посмотреть, как он вскроет омшаник.

Она помчалась к ним — прекрасная Женевьева; ее длинные белокурые волосы развевались за спиной, в уголках губ таилась улыбка, а на гладких, словно фарфоровых, щеках загорелся румянец. При виде ее у Андре радостно забилося сердце. Без нее мира вокруг не существовало, она была для него всем.

— У тебя рано закончились занятия. — Запыхавшись, Женевьева остановилась рядом с ними. — Я примчалась в замок, а местье Дюмон сказал, что вы уже ушли.

— Извини, — улыбнулся Андре. — Мы сегодня намучились с латынью, поэтому старик Дюмон отпустил нас на волю. Мне надо было зайти за тобой в деревню, но ты ведь знаешь, что твоя мать не отпустила бы тебя со мной. Теперь я уже достаточно взрослый, чтобы считать меня... опасным, — добавил он, немного смутившись.

— О, ты у нас, конечно, жуть, какой опасный, — заметил Джозеф-Жан. — Прямо как муха...

Андре нахмурился и проворчал:

— Из-за того, что ты на год старше, ты считаешь, что можешь...

Женевьева ткнула кулаком в плечо Джозеф-Жана.

— Эй, прекратите! Вы оба! А то опять будете кататься по земле. Ты, конечно, на год старше, но Андре больше и сильнее. А будешь издеваться над ним, получишь! — Она усмехнулась.

Джозеф-Жан с улыбкой дернул кузена за прядь волос.

— Андре воспринимает жизнь чересчур серьезно. И время от времени требуется, чтобы кто-нибудь над ним посмеялся. Ладно, хватит болтать. Пойдемте лучше посмотрим, не ужалила ли пчела месье Ласкарда.

— Не будь таким противным! — воскликнула Женевьева. — Бедный месье Ласкард всегда распухает от пчелиных укусов. И зачем он их разводит?..

Андре взял ее за руку.

— Ему это нравится. А пчела... Если даже пчела укусит, отец его вылечит. Папа может вылечить любую болезнь, — добавил он с гордостью; не у всех сыновей были отцы, умевшие творить чудеса.

— Вправил бы он мозги моей матери... — пробормотала Женевьева, переплетая пальцы с пальцами Андре. — Она говорит, что я провожу с тобой слишком много времени.

— Дождись, пока мы не поженимся. — Он поднял к губам их сцепленные руки и поцеловал ее в тонкое запястье. — Тогда ты все время сможешь проводить со мной, и она не скажет ни слова против.

Женевьева нахмурилась.

— Не знаю, Андре... Ей известно, что я люблю тебя больше всего на свете, но она все равно говорит, что ты не для меня. Ведь я всего лишь простая деревенская девочка.

— Чушь! — Джозеф-Жан сжал ее плечо. — То, что Андре — сын герцога, не может быть помехой для настоящей любви.

— Вот именно! — подхватил Андре. — Такое бывает только раз в жизни. И нам с тобой, Женевьева, повезло — ведь мы нашли друг друга совсем молодыми...

4 Джозеф-Жан закатил глаза.

— Вижу, я тут лишний. Пойду-ка вперед. Нет никакого смысла торчать рядом с парочкой влюбленных, которые с глупым видом таращатся друг на друга. — Уходя, он помахал им блокнотом для рисования, который всегда был при нем.

— Давай-давай!.. — усмехнулся ему вслед Андре. — Через минуту мы тебя нагоним. — Он повернулся к Женевьеве и положил руки на ее хрупкие плечи. — Не надо так тревожиться, милая. У нас еще есть время, чтобы уговорить твою мать. Я еще на три года останусь здесь и продолжу учебу, а потом уеду в университет. Так что у нас с тобой семь лет на то, чтобы заставить ее понять, что ты для меня — самая лучшая жена.

Он поднял голову и посмотрел на замок, возвышавшийся на горе, и на сбегавшие по склонам виноградники, вдоль рядов которых суетились работники, уже готовившиеся снимать урожай, как они делали это все последние пятнадцать лет — после того, как отец вернулся в свое поместье и оживил его.

О, как же Андре любил Сен-Симон! Это место стало его плотью и кровью, стало такой же неотъемлемой частью его существа, как Женевьева. Андре не мог дождаться того дня, когда с учебой будет покончено и он сможет работать вместе с отцом, помогая ему вести дела в поместье. И, конечно же, их с Женевьевой ждало безоблачное будущее.

Он взглянул на нее и улыбнулся.

— Иногда я не могу поверить себе, насколько мне повезло. Это просто благословение какое-то!.. У меня есть ты, есть прекрасные родители и есть Жо-Жан — лучший на свете друг! Что еще человеку нужно?

— А я иногда думаю, что ты витаешь в облаках, — сказала Женевьева. — Ты забываешь о реальной жизни, Андре. Как ты думаешь, что скажут тебе родители, когда узнают о твоём желании жениться на мне?

— Они обрадуются, — уверенно заявил юноша.

— Думаю, ты неправ, — со вздохом пробормотала Женевьева. — Возможно, они уже подыскали тебе какую-нибудь невесту с такой же голубой кровью, как у тебя.

— Мои... родители? Неужели мы говорим об одних и тех же людях? Да они ни о чем подобном не думают — запомни это хорошенько. — Андре усмехнулся. — Ты только взгляни на них... Я никогда не видел людей, которые так любили бы друг друга. Неужели ты думаешь, что они не пожелают и мне такого счастья?

Женевьева обвила руками шею любимого и прижалась щекой к его груди.

— Андре, будь благоразумным. Ведь ты уже — английский маркиз. И настанет день, станешь герцогом в той стране. Станешь хозяином многочисленных поместий, и для тебя будет важным — продлить свой род.

— Ты хочешь сказать, что я не смогу продлить род вместе с тобой? — Андре взял ее лицо в ладони. — Женевьева, я тебя люблю, и никакое герцогство не может быть для меня важнее этого. — Он пристально посмотрел в глаза девушке и добавил: — Любимая, ты — моя душа и мое сердце. Поэтому, пожалуйста, не позволяй своей матери засорять твою голову чепухой.

— Но ведь тебе — только четырнадцать. Ты еще слишком молод, чтобы принимать такие важные решения, — сказала Женевьева.

— Милая, не глупи! Я прекрасно все понимаю. — Андре провел большим пальцем по щеке возлюбленной. — Поверь, я никогда никого не полюблю, кроме тебя.

— Ах, Андре, ты ведь знаешь, я испытываю к тебе то же самое... — Женевьева подняла на него глаза; они были того же цвета, что и васильки, и глаза эти были полны любви, совершенно изменившей жизнь обоих этим летом. От одного лишь взгляда на нее сердце Андре начинало неистово колотиться.

— Ну... тогда ладно. — Он поцеловал ее в губы, затрепетавшие от поцелуя. — Вот видишь?.. — продолжал Андре внезапно охрипшим голосом — голова у него кружилась. — Господь не подарил бы нам такой любви, если бы не был уверен, что мы состаримся вместе.

— О, Андре... Может, ты и прав. Может, все так и получится.

— Конечно, все так и будет. Если бы я мог, то подарил бы тебе луну и звезды, но думаю, ты удоволь-

ствуешься лишь парочкой герцогств. А теперь... Прочь все печали! Свежий мед ждет нас! — Он чуть ли не потащил ее в сторону пасеки.

Откуда ему было знать, что через семь лет Женьевы уже не будет в живых, а весь его мир разлетится на мелкие осколки; порвав с Богом, он повернется спиной к родителям и к Франции и поклянется, что никогда туда не вернется.

Глава 1

Март 1864 года

Константинополь, Турция

Джозеф-Жан быстро шагал по главному базару Стамбула в поисках Андре; ему, наконец, удалось получить от паши *фирман* — документ, который послужит им паспортом на следующие восемь месяцев пребывания в Турции (хотя об этом путешествии он с самого начала и не думал, учитывая настроение Андре).

— Пропустите, пропустите... — то и дело приговаривал Джозеф-Жан, обходя базарных торговцев, пронзительно вопивших и размахивавших руками. Один из них едва не сбил с него шляпу своим подносом с лепешками — торговец нес поднос на голове (и тут же пришлось увернуться от мальчишки, мчавшегося мимо с серебряным подносом, уставленным стаканами с чаем).

Джозеф-Жан невольно вздохнул, от этой какофонии голова у него шла кругом. Группки женщин, закутанные в покрывала, отчаянно торговались в проходах; мужчины же, скрестив ноги, сидели с кальянами на ковриках перед своими лавками, и многие из них о чем-то спорили. И важно шествовали ослы, проходившие сквозь толпу крикливых людей с красными фесками и тюрбанами на головах... Всего этого было достаточно, чтобы сбить с толку любого человека.

Джозеф-Жан осмотрелся и снова вздохнул. Нигде не видно Андре. Хотя тот наверняка должен был
8 отправиться сюда, чтобы закупить провизию.

Джозеф-Жан ненадолго задумался... Потом развернулся и, покинув базар, направился в хаммам — турецкую баню.

Уже через несколько минут, завернутый в простыню, Джозеф-Жан вслед за банщиком-турком вошел в просторный зал с куполообразным потолком. Свет серебристыми полосами падал из узких окошек, расположенных под самым потолком, и с трудом пробивал плотную стену пара, едва освещая банный зал.

Ну, а Андре... Да-да, конечно, он был здесь! Лежал на приподнятой над полом мраморной плите, а турок с роскошными усами, «прикрывавший» наготу узкой набедренной повязкой, тер жесткой рукавицей спину Андре.

— Я так и думал, что найду тебя здесь, — объявил Джозеф-Жан. — Хорошая мысль, если учесть, что нас ждет впереди. — Он начал с того, что вымылся в одной из каменных лоханей, стоявших возле стены. Потом опустился в облако пара и принялся ждать своей очереди, чтобы его помассировали.

— Так как же? Что-нибудь удалось? — спросил Андре.

— Я получил его, — ответил Джозеф-Жан. — Паша в конце концов сделал то, что полагалось. Мы можем выехать с первыми петухами. Я позаботился о драгомани — переводчике. Лошади уже готовы.

Андре хмыкнул и пробормотал:

— Да, уж пора бы... Это, наверное, набор серебряных тарелок сыграл свою роль?

— Было множество поклонов и расшаркиваний, сопровождавшихся, как мне показалось, исключительно комплиментарными выражениями. Но никакого намека на бакшиш, то есть взятку.

— А я, знаешь ли, люблю давать взятки, — пробормотал Андре. Немного помолчав, добавил: — А теперь, Жо-Жан, заткнись и не мешай мне получать удовольствие. Ведь там, куда мы направляемся, бани не будет...

Джозеф-Жан усмехнулся и, подперев кулаком щеку, глубоко задумался. Увы, с Андре все было по-прежнему, и это очень беспокоило Джозеф-Жана. После смерти Женевиэвы прошло уже три года, но для Андре так ничего и не изменилось. Наоборот, с течением времени он еще больше замкнулся в себе. И он не отказался ни от

одного из тех кошмарных обвинений, которые выдвинул против собственного отца в ту ужасную ночь. А потом вообще перестал упоминать об отце и о Женестье. Остался в Сен-Симоне только для похорон, а затем сразу отправился в Константинополь, забрав с собой Джозеф-Жана.

Раз в год они на короткое время возвращались в Англию — в Лондоне у Андре был свой дом. Он не ездил с визитами к своим крестным, графу и графине Рейвен, с которыми когда-то был очень близок. Не ездил и к деду — герцогу Монкриффу, с которым у него никогда не было близости, но от которого он должен был унаследовать титул, земли и состояние. Андре общался лишь с учеными, преимущественно — с историками и археологами, — и передавал результаты своей работы попечителям Британского музея, финансировавшим его экспедиции, после чего снова уезжал.

Складывалось впечатление, что радость жизни покинула его в тот момент, когда не стало Женестье. И после этого он с головой ушел в работу, в которой, однако же, добился поразительных успехов. Люди стали называть его «черный маркиз» — и не только из-за цвета волос и манеры одеваться, но и оттого, что он никогда не улыбался.

Когда-то веселый и улыбочивый, Андре превратился в холодного человека без эмоций. Разумеется, он скрывал свои чувства, скрывал свою боль, но понимал это только Джозеф-Жан. Однако даже он не знал, как долго это будет длиться.

*Апрель 1864 года
Горы Крагус, Турция*

— Хочу сполоснуться перед ужином. — Андре отложил журнал для ежедневных записей и потянулся. День был долгим и холодным, тем не менее он решил окунуться в ледяной горный поток.

Андре понимал, что ему следовало привыкнуть ко всем трудностям, связанным с жизнью под открытым небом, — вот только тело отказывалось привыкать к холоду. Однако он был полон решимости преодолеть себя, так как

10 знал: дисциплина — единственное, что помогало

выжить. Правда, у него не было времени задуматься о том, зачем ему выживать...

— Можешь не торопиться, — отозвался Джозеф-Жан. — Сегодняшний ужин будет ничем не лучше вчерашнего. Все та же старая козлятина. — Он помешал ложкой варево и снова закрыл котел крышкой.

Андре с отвращением взглянул на котел.

— Господи, как же мне надоела эта бурда!

— Если бы десять дней назад ты пинками не выставил Хамида за дверь, мы с тобой не переживали бы из-за этого. Ты думаешь, что разбираешься во всем лучше других, так как прошел через всю Малую Азию. Это странно, Андре. Мы действительно не можем обойтись без драгомана.

— Я больше не мог выдерживать его нытье, — проворчал Андре. — Он вел себя так, словно ни разу не переходил через горы.

— Мне кажется, так оно и было. И никто через них не переходил. Эта тропа опасна и для людей, и для животных...

— Не думаю, что это обстоятельство давало ему право обзывать меня сумасшедшим и высокомерным дьяволом. — Андре покопался в своем вещевом мешке в поисках мыла и полотенца. Конечно, ему следовало бы признать правоту Жо-Жана. Но он, как обычно, не был готов расписаться в собственной глупости (Жо-Жан и так уже отчитал его за то, что вместе с Хамидом они лишились дополнительного ствола).

— Знаешь, я не сомневаюсь, что главная причина его ухода — это появление львов, — усмехнулся Жо-Жан. — Скажу тебе откровенно: я бы на его месте тоже сбежал бы.

— Но ты, по крайней мере, не обмочил штанов. В отличие от нашего друга... О черт! Куда запропастилось это проклятое мыло?!

Джозеф-Жан взглянул на кузена. Пожав плечами, проворчал:

— Понятия не имею. Но я тоже не всегда нахожу под рукой то, что мне требуется.

Андре со вздохом отвернулся. Васильковые глаза друга до боли напоминали ему глаза Женевьевы. С ним часто такое случалось; выражение лица Жо-Жана

или какой-нибудь его жест — все это с острой болью вызывало в памяти образ Женеьевы. Ему иногда хотелось, чтобы Жо-Жан выглядел как-нибудь по-другому — только бы не видеть этих белокурых волос, этих голубых глаз и этой широкой улыбки, то есть всего того, что напоминало о ней. Но что тут поделать? Возможно, со временем это пройдет. А пока он жил с постоянным ощущением боли.

Продолжая шарить в мешке в поисках мыла, Андре пробормотал:

— Видишь ли, я рассчитываю описать развалины Ксанфоса к ноябрю. — Он наконец-то нашел мыло. — Надеюсь, что Чарлз Феллоуз облегчит мне работу. Хотя мне глубоко чужд его наукообразный подход. Ведь он выдергивает артефакты из их естественного окружения. А вот Фредерик Лейси...

— Вот именно — Фредерик Лейси, — перебил Жо-Жан, явно намекая на неожиданное исчезновение Лейси в Анатолии двенадцать лет назад. — И это — главная причина, по которой нам необходим проводник. Знаешь ли, мне совсем не хочется рисковать.

— И ты думаешь, что этот идиот Хамид защитил бы нас от разбойников? — спросил Андре. — Скорее всего, он бы завершал от страха и бросился в другую сторону, представив нас самим себе. — Он повесил полотенце на шею. — Приготовь пока чаю, ладно? Я скоро вернусь.

Спустившись к горному потоку, Андре снял куртку, затем сорочку и плеснул себе водой в лицо, затем — на грудь, невольно содрогнувшись при этом. Вода была немислимо холодной; ручей стекал напрямик с покрытой ледником вершины горы.

И тут ему в затылок словно вонзились тысячи иголок — возникло отчетливое ощущение, что кто-то наблюдает за ним. Андре медленно выпрямился и осмотрелся. Вроде бы ничего подозрительного. Только редкий лес да поляна, на которой виднелась их палатка.

Решив, что стал жертвой игры воображения, Андре опять склонился над ручьем, чтобы закончить мучительное омовение. Потом вытерся насухо, быстро оделся и поспешил назад к огню.

— Уже? — удивился Джозеф-Жан, разливавший по кружкам черный чай. Одну из кружек он сунул в трясущиеся от холода руки Андре, с усмешкой заметив: — У тебя нос синий, мой дорогой друг.

— Ужасно замерз, — буркнул Андре. Он осторожно от хлебнул из кружки и едва заметно улыбнулся, наслаждаясь согревающим эффектом чая. — Лучше бы помылся в тазу. Но ничего, через неделю мы уже будем в Ксанфосе.

— Вот там будет теплее, чем в преисподней, — ухмыльнулся Жо-Жан. — А пока — садись. Жаркое готово. — Он разложил еду по тарелкам и нарезал хлеб.

Андре воткнул вилку в козлятину, поднес к носу и поморщился.

— О господи, запах отвратительный! — воскликнул он. — Повар из тебя никудышный.

— Я тебя предупреждал... — Джозеф-Жан с трудом проглотил кусок мяса. — Господи, чего бы я только не отдал за слугу, который может сносно готовить! Обещай, что обязательно наймешь кого-нибудь, как только мы выйдем к цивилизации.

— Клянусь жизнью, — заявил Андре. — Но только не такого, как Хамид. Да, кстати... — Он отложил вилку и, выпрямившись, оглядел поляну. — Тебе не кажется, что этот кретин пошел за нами следом?

— Через перевал? Ты в своем уме? Ведь он же что есть мочи поскакал прямо в противоположном направлении. С чего ты решил, что он... — Жо-Жан умолк и потянулся за пистолетом.

— Ну, я просто подумал... Впрочем, не важно. — Андре пожал плечами и добавил: — У меня возникло странное ощущение, что за нами следят. Но мы ведь не сталкивались ни с какими признаками цивилизации уже несколько дней, верно?

— Что до меня, то я жду не дождусь, когда мы хоть с кем-нибудь столкнемся. — Джозеф-Жан сунул пистолет обратно в кобуру. — Здесь ужасно холодно, а еда... — Он вздохнул и поморщился.

— Вот именно... — кивнул Андре. Он швырнул кусок хлеба в кусты и отодвинул от себя тарелку с козлятиной, к которой почти не притронулся. — Знаешь, мне такая еда в горло не лезет.

— Шутишь, наверное. Ладно, продолжай работу. А я пока все вымою. — Жо-Жан собрал тарелки и отправился с ними к ручью.

Андре занялся рукописью, но никак не мог отделаться от ощущения, что за ним следят. Внезапно он заметил краем глаза какое-то движение. А затем отчетливо увидел, как из кустов на краю поляны — там были сложены мешки с неразобранными вещами — протянулась маленькая смуглая рука. Не на шутку разозлившись — такая откровенная попытка воровства! — Андре поднялся и, стараясь не шуметь, зашел с другой стороны кустов. Он сумел увидеть лишь тощий зад в мешковатых шальварах и тонкие маленькие ноги в поношенных сандалиях.

Андре наклонился и схватился одной рукой за шальвары, а второй — за ворот мальчишеской рубашки. Еще секунда — и он вздернул воришку в воздух.

— И как это, по-твоему, называется? — спросил Андре на турецком.

Мальчишка глухо вскрикнул и отчаянно замолотил в воздухе руками и ногами. Андре бросил его на землю, и тот со всего размаху сел на задницу, резко выдохнув при ударе. В испуге глядя на Андре широко раскрытыми глазами, мальчишка закричал:

— Господин, я не хотел сделать ничего плохого!

— Да?.. А зачем тебе понадобился мой мешок?

— Нет-нет, мне не нужен ваш мешок! Я собирался подобрать то, что вы выкинули. — Он встал; его тщедушное тельце все тряслось.

Андре посмотрел туда, куда мальчишка указывал пальцем. Там, в дальнем конце зарослей кустарника, лежал большой ломоть хлеба, который он выбросил перед этим.

— Я не вор, — заявил мальчишка, вскинув подбородок. — Я подумал, что вы его не хотите.

Андре оглядел мальчугана с головы до ног. Одежда на нем была поношенной, и он производил впечатление сильно истощавшего. Темные глаза казались огромными на овальном лице с изящными чертами, а черные волосы были неровно подстрижены.

14 — Как тебя зовут? — спросил Андре сурово.

— Али, эфенди*.

— Из какой ты деревни?

— У нас все умерли. От чумы.

Джозеф-Жан, услышавший шум, уже бежал вверх по склону с пистолетом наготове. Мальчик бросил на него полный тревоги взгляд и с мольбой протянул к нему руки.

— Убери пистолет, — приказал Андре. — Он безобиден. Это просто изголодавшийся ребенок.

Али сглотнул с облегчением, увидев, что Джозеф-Жан опустил оружие.

— Что ты делаешь один в горах? — спросил Андре. — Разве тебе не известно, что здесь опасно?

— Я иду с равнины Дембре, эфенди. Мне нужно попасть в Измир.

Андре в изумлении уставился на мальчишку.

— Ты *нешком* шел от Дембре?

— Да. А как же иначе? У меня ведь нет ни осла, ни лошади. Но я сначала шел через долины.

— Боже милостивый... — пробормотал Андре, удивляясь, что мальчишке удалось выжить на таком пути.

— Пожалуйста, эфенди, можно мне взять тот хлеб? Очень хочется есть... — сказал Али; его шатнуло от слабости.

Андре вздохнул и, подхватив ребенка на руки, бросил на Джозеф-Жана взгляд, полный смирения.

— И за что мне это? — Снова вздохнув, он понес Али к огню. — Почему такое всегда случается именно со мной? Принеси кувшин с водой, Жо-Жан, и запасное одеяло.

Андре ощупал лоб мальчика, чтобы узнать, есть ли у него жар, и с облегчением обнаружил, что нет; ему совершенно не хотелось контактировать с чумными. Окунув обрывок полотна в воду, он протер им лицо Али, а затем завернул мальчика в одеяло, которое подал Джозеф-Жан.

— Проклятье! Что же нам делать с этим истощенным ребенком? — спросил он у кузена. — Мы ведь не можем бросить его здесь, когда завтра свернем лагерь, верно?

— Конечно, не можем, — откликнулся Джозеф-Жан. — Заберем его с собой, и пусть он побудет при нас, пока мы не доберемся по крайней мере до Минары.

* Господин.